

В.П. Сидельников

Донецкий национальный университет, г. Донецк

**О ГРАНИЦАХ И НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ
ЛИНГВИСТИКИ
ABOUT BORDERS AND SOME FEATURES OF MODERN LINGUISTICS**

Ключевые слова: современная лингвистика, лингвистические теории, международные лингвистические форумы

Keywords: modern linguistics, linguistic theories, international linguistic forums

Проблема определения границы любой науки, в том числе и лингвистики, всегда была и остается актуальной. В 90-е годы XX века О.Н. Трубачев, делая обзор XII Международного съезда славистов, отметил необъятность лингвистики как науки (или наук), а представленная на конгрессе, по его словам, добрая тысяча докладов и сообщений со своими темами и проблемами могла быть о другом, и это при том, что была затронута лишь малая часть огромного лингвистического знания (Трубачев, 1988: 3).

В информации о XIX Международном конгрессе лингвистов, который состоялся в Женеве (июль, 2013 г.), отмечается, что тематика включенных в программу конгресса докладов и сообщений отражает быстрый рост лингвистики как науки в ее многообразии связей с нейробиологией, антропологией, математикой, теорией информации, философией и многими другими науками и что ни один ученый не может утверждать, что он знаком со всей литературой, посвященной проблемам современной лингвистики.

Джон Лайонз в вводном курсе «Язык и лингвистика» сетует на то, что «мы не располагаем теорией, в рамках которой можно было бы заниматься макролингвистикой, т.е. изучать язык в разных, одинаково интересных аспектах: социальном, культурном, биологическом и т.д.» (Кубрякова, 1995: 238).

Определить границы современной лингвистики очень сложно в силу того, что лингвистика как «наука не представляет собой закрытой системы, где все раз и навсегда расставлено по своим полочкам, а, наоборот, находится в постоянном движении, изменении, то следует признать, что установление жестких границ любой науки невозможно» (Звегинцев, 2001: 5).

На наш взгляд, границы лингвистики определяются с учетом двух факторов: объективного и субъективного. Объективный фактор заключен в самом языке как природном образовании, то есть в его онтологии. Субъективный фактор заключен в самом человеке, исследователе, объектом деятельности которого становится язык как сущность, то есть в поле зрения исследователя попадает то, что озарено его интеллектом, и то, что открыто другими, но видится ему в иных научных координатах. Язык как природный

объект бесконечно многообразен в своем проявлении, но известно, что человеку никогда не удастся сразу познать всякую суть. Сложность и многосторонность языка как природного явления объективно определяет и многообразие взглядов на него.

Представленная на различных международных форумах лингвистика еще раз подтверждает правоту высказанного выше тезиса. Так, на проведенной в январе 1995 г. в МГУ Международной конференции «Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы» работали 19 секций: 1) Лингвистическая историография; 2) Общие проблемы языкознания; 3) Лингвистика XXI века; 4) Фонетика и фонология; 5) Морфология; 6) Словообразование и морфемика; 7) Синтаксис; 8) Семантика; 9) Лексикология и лексикография; 10) Лингвистика текста и структура дискурса; 11) Прагматика; 12) Когнитивная лингвистика; 13) Компаративистика и типология; 14) Психолингвистика; 15) Социолингвистика; 16) Этнолингвистика; 17) «Малые» языки; 18) Компьютерная лингвистика; 19) Лингводидактика. Программа XIX Международного конгресса лингвистов, который состоялся в июле 2013 года в Женеве, тоже не отражает современную лингвистику во всей ее масштабности. Так, на пленарное заседание были вынесены доклады традиционной тематики (фонология и морфология, синтаксис, семантика, прагматика, дискурс, язык и мышление). Не столь оригинальна была и тематика докладов, причисленных к числу основных: история языкознания, социолингвистика, синтаксис, семантика, происхождение и эволюция языка, компьютерная лингвистика, и особняком стоит лишь доклад о нейролингвистике. Справедливости ради следует заметить, что оригинальные доклады были представлены в семинарах: современное состояние лингвистической киберинфраструктуры, лингвистика бизнеса и управления, семантика компаундирования, язык и мышление (аутизм), модальность как окно в познание и др.

Современная лингвистика, даже на взгляд просвещенного человека, выглядит очень сложной и запутанной, нет ощущения ее цельности. Так, профессор Пермского университета А. Угланова задается вопросом, существует ли «мейнстрим» (главное направление, господствующие тенденции) в современной лингвистике. И на ее взгляд, современную лингвистику характеризуют: либо 1) через основные доминирующие теории (концепции), 2) через описание черт, присущих современным лингвистическим исследованиям, 3) через специфику проблематики или же сразу позиционируют ее как развивающуюся в рамках определенной парадигмы (Угланова, 2013). А потому границы современной лингвистики в какой-то мере определяют значимые, доминирующие теории. К числу таковых Демьянков В.З. относит: 1) генеративную теорию; 2) интерпретационизм (или интерпретирующий подход); 3) категориальные грамматики; 4) функционализм; 5) теорию прототипов; 6) лингвистику текста; 7) теории речевого действия; 8) принцип кооперированности; 9) когнитивную лингвистику (Демьянков, 1995).

Понимая, что выделение некоторых теорий не очень убедительно, Демьянков В.З. замечает, что «эти и подобные идеи сочетаются между собой в различных конкретных теориях аналогично пучку дифференциальных признаков» (Демьянков, 1995: 245).

Что же собой представляют значимые теории современной лингвистики? По мнению Демьянкова В.З., в генеративной лингвистике грамматика языка задается как формальная автономная система, реконструируемая лингвистом и обладающая «психологической реальностью» в жизни человека; интерпретационный принцип лингвистики заключается в том, что «значение вычисляется интерпретатором, а не содержится в языковой форме»; в категориальные или логические грамматики связаны с типизацией; с позиции функционализма для лингвистического анализа существенны функции элементов выражения, а не сами элементы; в основе теории прототипов лежит представление о недискретности, размытости границ, и категории формируются на пересечении некоторого числа «характерных», или «типичных свойств признаков»; в основании лингвистики текста лежит представление о том, что грамматика текста организована не так, как грамматика предложения; в теории речевого действия предпринята попытка взглянуть на речь и на язык через призму действия носителя языка и определить, как употребить значение предложения в конкретных обстоятельствах; принцип кооперированности, сформулированный Грайсом, состоит в том, что нужно говорить в соответствии со стадией разговора, общей для (собеседников) целью и направлением в обмене репликами (Демьянков, 1995: 245-298). Собственно, из семи определяемых исследователем значимых направлений, последние три: лингвистика текста, теория речевого воздействия и принцип кооперированности, - по своей сути относятся к направлению лингвистики, именуемому как функционально-коммуникативная. Вот почему, на взгляд других лингвистов, круг доминирующих теорий может быть ограничен тремя: генеративной, функциональной и когнитивной. В какой-то мере такой взгляд подтверждает и структура книги «Современная американская лингвистика: фундаментальные направления» (2002 г.): Часть I. Генеративная грамматика. Часть II. Другие генеративные теории: фонология, семантика, психолингвистика и усвоение языка; Часть III. Функциональные и когнитивные теории (Современная американская лингвистика... , 2002).

Толкование значимых теорий современной лингвистики зачастую носит общий, неконкретный характер, а потому обладает малой познавательной силой. Чтобы убедиться в справедливости такого утверждения, следует обратиться к определению сущности этих теорий теми лингвистами, которые географически и интеллектуально ближе к тому, где родились и развиваются особенно интенсивно эти теории.

Для Джона Бейлина, получившего образование на отделении лингвистики Гарвардского университета, «теория генеративной грамматики ищет ответ на один центральный вопрос: из чего состоит это знание [лингвистическое, С.В.], каким образом оно так совершенно и быстро

усваивается в раннем детстве, почему глобальные типологические различия между языками не препятствуют их усвоению», и далее этот лингвист образно сравнивает генеративизм и функционализм, собственно определяя их сущность:

«Полезной аналогией является способность птиц летать. Физики (как и изобретатели самолетов) исследуют вопросы самого процесса полета – как он возможен у птиц, откуда птицы приобретают это умение, какие особенности их физиологии дают им такую возможность. Другие ученые интересуются иными вопросами: сколько птицы могут летать без перерыва, на какой высоте они летают и при какой погоде, как и когда они организуют свои сезонные перелеты, как старость влияет на способность находиться в воздухе и т.д. И то и другое являются нужными областями общей науки о птицах, тем более, что во всех вопросах второго типа подразумевается существование ответов на вопросы первого типа. Данная аналогия позволяет правильно понять разницу между генеративными и функциональными лингвистами.

Генеративная грамматика занимается изучением языкового аппарата человека, который позволяет ребенку к пяти годам усвоить родной язык. Функциональная лингвистика изучает использование этого аппарата: почему мы выбираем те или иные существующие языковые формы и как мы понимаем или создаем сообщения разных уровней и стилистических регистров. Эти направления в лингвистике отнюдь не являются взаимоисключающими, а наоборот, они являются взаимодополняющими теориями, которые изучают одно явление с разных сторон» (Современная американская лингвистика... , 2002).

Сравним с этим образным представлением генеративизма и функционализма Дж. Бейлина с определением, которое дается на страницах той же книги, функционализма российскими лингвистами Кибриком и Плунгяном:

«Лингвистическим функционализмом называется подход к языку, утверждающий, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без апелляции к функциям языка. Основной пафос функционализма – объяснение языковой формы ее функциями. Очевидно, что этот пафос диаметрально противоположен основной идее Хомского, пережившей все этапы развития генеративной грамматики – идее о том, что универсальная грамматика (компетенция) врожденна, и поэтому не нуждается в объяснении функциями (употреблением)» (Современная американская лингвистика... , 2002).

Обращает на себя внимание категоричность утверждения о диаметральной противоположности генеративизма и функционализма. В данном случае нелогично разные подходы к одному и тому же объекту считать диаметрально противоположными. Разные аспекты одного и того же явления являются органически связанными и не противоречат друг другу, что хорошо объяснено Джоном Бейлином в его образном сравнении изучения птицы в ее природной способности летать, как врожденном качестве, в этой

природной компетенции и врожденной способности человека владеть языком.

К числу ныне доминирующих лингвистических теорий естественно относят и когнитивизм. На вопрос, что такое когнитивная лингвистика, американский лингвист Аллен Ченки, в сферу научных интересов которого входит когнитивная лингвистика, теория семантики, семантика и сравнительный анализ славянских языков, так определяет это направление в лингвистике: «Под термином «когнитивная лингвистика» понимается группа теоретических подходов, которые в целом совместимы друг с другом и разделяет некоторые основные принципы: 1) язык как плод человеческого ума, его структура в известной степени показывают, как работает ум; 2) язык является орудием коммуникации; 3) как средство коммуникации язык является порождением двух факторов: один – внутренний (то есть, ум индивидуально говорящего), другой – внешний (культура, общая с другими говорящими на этом языке)»; и заключает характеристику принципов когнитивизма выводом о том, что языкознание оказывается неотъемлемой частью когнитивной науки и непосредственно связано с психологией, нейронаукой, антропологией и философией (Современная американская лингвистика... , 2002). Вот эту связь языкознания с другими науками почему-то называют экспансионизмом. На наш взгляд, он не только некорректен, но абсолютно неточен, ибо ни психология, ни социология, ни антропология, ни философия не являются чужой территорией, территорией других наук, на которую якобы покушается лингвистика, ибо все они «кровные родственники», и «проживают» на одной территории, которая зовется человеком.

Так называемые значимые теории часто являют собой своеобразную волну, которая захлестывает огромные площади современной лингвистики, накрывает и многие традиционные классические направления языкознания, сравнительно-историческое, формально-грамматическое, структурное.

Олег Николаевич Трубачев в ранее упоминавшейся его работе, цитируя следующие строчки из «Коммуникативной грамматики русского языка» (Золотова, Сидорова, Онипенка, 1998): «Пережитые лингвистикой последних десятилетий, поиски и метания – от устремлений к «чистой форме» до всеобщего поворота к семантике... с доминирующим интересом..., наконец, к тексту как результату смысловых и коммуникативных интенций... раздвигает традиционные рамки грамматики», заключает: «Не будет преувеличением сказать, что эта идеология вполне проявила себя на минувшем съезде [IX съезд славистов. – С.В.], причем выступающие возвращаются мысленно к началу 80-х годов, «когда большинство ученых стало поддерживать определение языка как когнитивного процесса, осуществляемого в коммуникации»... » (Трубачев, 1998: 18-19). Кубрякова Е.С., слова которой процитировал О.Н. Трубачев, относит когнитивизм к новым парадигмам, и, в свою очередь, говорит о формировании «языковой картины мира», относя зарождение этой идеи к 80-м годам XX столетия. Однако Олег Николаевич Трубачев, признавая правильность таких

рассуждений Е.С. Кубряковой, тут же замечает: «Можно, конечно, попытаться поправить хронологию – не начало 80-х годов, а раньше; я припоминаю, что присутствовал лично на докладе Э.Косериу «Weltbild der Sprache» в Фрайбурге (Германия) весной 1977 года. Но дело также не в этом. Исторически неглубокий дескриптивизм оказался в ситуации, о которой лучше всего сказано в Библии: «Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл., 1, 10). И вновь вспоминается метафора из работ одного русского лингвиста, живущего и работающего в Чехии: «Языкознание – это наука возвратов». Один из таких возвратов, не вполне осознанных нами именно как возврат, мы имеем перед собой в наблюдаемом триумфе семантики в форме когнитивизма, этой, в целом полезной концепции языковой картины мира, собственно – плата за долгие годы формализма». И как бы подводя итог сказанному, ученый замечает, что нынешний бурный поворот лингвистики к когнитивизму, «оснащенному новой терминологией, – феномен понятный, но заслуживающий трезвой оценки» (Трубачев, 1998: 19).

И все-таки, какой в целом предстает современная лингвистика, Е.С. Кубрякова, характеризуя антропологический принцип как основу для объединения лингвистики комплексом смежных наук, в этой связи приводит высказывание Яна Ньютса: «Сегодня область науки о языке вряд ли можно охарактеризовать как нечто связанное, это скорее конгломерат различных сфер познания языка со своими собственными объектами анализа. Возникает вопрос, под эгидой какой науки можно было бы собрать все это и подчинить исследование языка более цельной программе. Ответ на этот вопрос все чаще формулируется так: исследование языка – это в основе своей исследование когнитивное» [цит. по: Кубрякова, 1995: 215-216).

Так называемый экспансионизм современной лингвистики может создавать впечатление, что эта наука представляет грудку разнородных, не связанных между собою явлений, уводящих нас от самого объекта. Выход в междисциплинарье – вполне закономерное явление. Справедливости ради следует заметить, что лингвист, идущий в социологию, психологию, биологию, нейробиологию, кибернетику, экологию, антропологию, становится дилетантом в части знания и видения этих наук. Но все они (науки) вышли из человека и обращены к нему. В этой связи нельзя не упомянуть имя донецкого профессора В.В. Федорова, который назвал язык внутренней формой всех наук. И не случайно, что в современном мире обозначился очень живой и не беспредметный интерес к языку, и как заметил Лиотар: «... передовые науки и техники имеют дело с языком: фонология и лингвистические теории, проблемы коммуникации, кибернетика, современные алгебры и информатика, вычислительные машины и их языки, проблемы языковых переводов и исследования совместимости машинных языков, проблемы сохранения в памяти и банки данных, телематика и разработка «мыслящих» терминалов... - список этот неисчерпан» (Лиотар, 1998: 15-16).

Эволюцию лингвистической теории ученые рассматривают по-разному: для одних – это последовательная смена основных научных парадигм: сравнительно-исторической, системно-структурной, коммуникативно-функциональной и когнитивной, другие представляют переход от одной парадигмы к другой как колебание маятника, третьи – как круговое движение, четвертые – как последовательную смену, пятые – как движение по спирали, шестые – как существование нескольких парадигм. И все-таки, реальным является представление процесса развития лингвистики как сосуществования именно нескольких парадигм. Только в разные эпохи та или иная парадигма существует в виде нахлынувшей волны, которая захватывает и погружает в свою пучину другие направления в лингвистике. Мы знаем, как в свое время накатился вал сравнительно-исторического языкознания, после которого пришел вал системно-структурного языкознания, на смену которому пришел вал функционализма, и в наше время мы находимся на самом гребне волны, называемой когнитивизмом.

Когда говорят о революционности той или иной лингвистической идеи, следует прислушаться к мнению Дж. Лайонза, который заметил, что «хомскианская революция, как и все другие революции, сохраняет гораздо более существенную часть достижений предшествующих эпох, чем это представляется самим революционерам и их современникам. Философии Аристотеля невозможно понять вне связи с платонизмом, а Декарта - без понимания средневековой схоластики... Все это в равной мере можно отнести к Хомскому. Его теория, безусловно, опирается на те идеи, с которыми он познакомился, изучая лингвистику, психологию, философию» (Лайонез, 2004: 103). Введение в научный обиход Хомским понятий «языковая компетенция» и «речевая компетенция» (употребление языка) является логическим развитием сосюррианских понятий «язык» и «речь».

Одной из особенностей современной лингвистики является ее прагматичность, а более точно, технологичность. Может быть, это и знамение нашего века: если русская культура в эпоху «золотого века» была литературоцентричной, то мировая культура нашей эпохи является техноцентричной и прагматичной. Примечательно в этом отношении высказывание российской актрисы Максаковой о своем отце: крупный физик-теоретик, по учебнику о плазменной физике которого учились немецкие студенты, оставил теорию, когда наступил век технологий и ушел в коммерцию. Подтверждением технологичности современной лингвистики является тот факт, что на IX Международном конгрессе лингвистов (Кембридж, США, 1962) присутствовали представители таких организаций: Международная корпорация по производству машин для коммерческих расчетов, Лаборатория Хаскинса (акустическая), Гарвардская медицинская школа и Массачусетский центр психиатрии, Центр по прикладной лингвистике, Массачусетский институт технологии, Американское метеорологическое общество, Национальное бюро стандартов, Общество по техническому обслуживанию, Центр по изучению познавательных способностей, Лаборатория компании «Белл телефон», Международный

исследовательский центр по коммерческим машинам, Корпорация по производству вычислительных машин, Бюро прикладных социальных исследований, а также представители военных учреждений.

Вполне закономерным является и появление книг с выразительным названием «Коммуникативные технологии XX века» (Почепцов, 2001), в которой дается характеристика таких профессий, как менеджер паблик рилейшнз, имиджмейкер, спиндоктор, переговорщик, спичрайтер, рекламист, психотерапевт, специалист по слухам. В основе всех этих коммуникативных технологий лежит язык как орудие коммуникации и орудие познания, хранения и передачи познанного.

На огромном поле деятельности лингвистов философы и историки науки пытаются выделить отдельные фрагменты научного знания, скорее научные сообщества, которые объединены в представлении концептуальных моделей общими утверждениями, ценностными установками, образцами решения конкретных задач и проблем (Хомутова, 2009). Круг научных идей, над которыми работает то или иное научное сообщество, может объединяться названием «парадигма» или «дисциплинарная матрица» (Т.Кун); «эпистема» как дискурс-формирование, определяющий способ видения мира в тот или иной исторический период (М.Фуко); стиль мышления, под которым М. Борн понимает общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке; «научно-исследовательская программа, содержащая жесткое ядро, которое признается неопровержимым, и в состав которого входят философские принципы, рассматриваемые как эвристического основания» (И. Лакатос). Следует заметить, что такую классификацию научных сообществ, научных направлений дают, собственно, не лингвисты: Т. Кун (философ), М. Фуко (историк, психолог), М. Борн (физик), И. Лакатос (философ).

Даже беглый взгляд на название современных лингвистик: формально-грамматическая, системно-структурная, генеративная, функционально-коммуникативная, когнитивная, психолингвистика, этнолингвистика, биоллингвистика, социоллингвистика, нейролингвистика, эколингвистика и другие, причины появления которых различны (глобализация научного знания, его интеграция, облегченные формы доступа к информации, переформулирование в новых терминах старых проблем, которые частично связаны с использованием иногда заимствованных из других наук методов, возникновением новых областей исследования, новых наук) создает впечатление, что эта наука вышла из берегов и заливают поле умственной деятельности, но мы знаем – когда реки выходят из берегов, они что-то разрушают, что-то заливают, а что-то оставляют в виде плодородного ила, на котором затем в благодатных условиях прорастают новые и весьма полезные растения, а на поле умственной деятельности прорастают новые идеи, которые будут расширять и углублять лингвистическое знание. Естественно, что всякая наука в какой-то мере является наукой повторов, повторов к

одному и тому же объекту исследования, возвращения к нему на новом витке человеческого познания.

Литература

1. Демьянков В.В. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. - М.: Институт языкознания РАН, 1995. - с. 239-320.
2. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 248 с.
3. Золотова Г., Онипенко Н., Сидорова М. Коммуникативная грамматика русского языка. - Москва: ИРЯ РАН, 1998.
4. Угланова И.А. Существует ли мейнстрим в современной лингвистике? [Электронный ресурс] – Электрон. данные. – 2013. – Режим доступа: <http://psychosocling.narod.ru/uglMAIN.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., дата обращения 20.11.12
5. Компанцева Л.Ф. От классического языкознания – к Интернет-лингвистике // Studia Linguistica. Збірник наукових праць. – К.: Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет", 2010. - Випуск 4. – 360 с.
6. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука XX века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – с. 144-238
7. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 302 с.
8. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. – Санкт-Петербург: Алетея, 1998. – 160 с.
9. Почепцов Г.Г. Коммуникативные технологии XX века. – М.: Рефл-бук, 2001. – 352 с.
10. Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / А.А. Кибрик, И.М. Кобозева, И.А. Секерина и др. – М.: Эдиториал, 2002. – 480 с.
11. Трубачев О.Н. Славистика на XII Международном съезде славистов (краткий обзор) / Рукопись. – М., 1998.
12. Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. - 2009, Вып. 37. – С. 142 - 151.

References

1. Demyankov V.V. The Dominant linguistic theory in the end of XX century // Language and science of the late 20th century. - M: Institute of linguistics, RAS, 1995. - p. 239-320.
2. V.A. Zvegintsev Language and linguistic theory. - M: editorial URSS, 2001. - 248 p.
3. Zolotova,, Онипенко N., Sidorov M a communicative grammar of the Russian language. - Moscow: IRYa RAS, 1998.

4. Uglanova I.A. is There a mainstream in modern linguistics? [Electronic resource] - Electron. data. - 2013. - Mode of access: <http://psycholing.narod.ru/uglMAIN.htm> free. - Title from the screen. - Lang. eng., reference date 20.11.12
5. Kompantseva L. F. From classical linguistics - the Internet-linguistics // *Studia Linguistica. The collection of proceedings.* - К.: Видавничо-поліграфічний центр "Kiev University", 2010. - Release 4. - 360 p.
6. Kubryakova E.S. Evolution of linguistic ideas in the second half of the XX century // *Language and science of the twentieth century.* - М: Institute of linguistics, RAS, 1995. - p. 144-238
7. Lyons J. Language and linguistics. Introductory course. - М: editorial URSS, 2004. - 302 p.
8. Lyotard J.-F. The Condition of postmodernity. - SPb: aleteja, 1998. - 160 p.
9. G. Pocheptsov Communicative technologies of the twentieth century. - М: Replibeech, 2001. - 352 p.
10. The modern American linguistics: fundamental directions / A. Kibrik, I.M. Kobozeva, I.A. Sekerina and others - М: editorial, 2002. - 480 p.
11. O. Trubachev. Slavonic studies at the XII International Congress of Slavists (overview) / the Manuscript. - М, 1998.
12. T.N. Khomutova. Scientific paradigm in linguistics // *Bulletin of the Chelyabinsk state University. Philology. Art criticism.* - 2009, Vol. 37. - p. 142 - 151.

(0,6 п.л.)